

понимание мира вокруг себя, и одновременно отстаивать собственную уникальную само-бытность.

Ключевые слова: *реформы, образование, новшества, личность, свобода, творчество.*

Hanaba S. A., doctor of philosophical sciences, docent, associate professor of the department of philosophical disciplines Kamianets-Podilskyi national University named after Ivan Ogienko (Kamianets-Podilskyi, Ukraine), E-mail: sveta_ganaba@ukr.net

Revolution in learning: the turn to the personal-cultural model of education.

Abstract. *Education preserves the cultural heritage of the past and, at the same time, directs the society on new developments, delineates the horizons of its further development, taking into account the pulsation of time. Being in a constant state of search, assessment and reassessment of ideological orientations, new ideas, principles and ways of its development, it «sets the tone» modernization processes in society. The article notes that despite the active introduction of various innovations in the practice of education, this area remains focused on the past and does not meet the demands and needs of our time. It is emphasized that the inefficiency of innovations in education is also caused by the fact that the Ukrainian educational system was formed in the field of cultural landmarks, education is almost exhausted and has reached crisis signs. To eliminate or at least minimize these and other crises in education may subject to changes. The need for the introduction of revolutionary innovations in learning (for life), that would go parallel to the information and communication revolution, which is rapidly gaining momentum and changing our way of life, communication, thinking and vision of well-being. The fundamental idea of change in education is understanding how education should contribute to the development of their own talents and personal inclinations of the person, formation of life goals and perspectives, the skill to become masters of their own lives (independently, self-learn and self motivate), and the like. Under such conditions the subject is «the creator» and not a «consumer» of knowledge. These processes will include: recognition of the priority of creating new knowledge, not the consumption of information; the ability to comprehensively and contextually to consider the problems and identify new in a familiar human situations. a person's ability to self-development and self-transformation to realize its potential in life; the formation of a new way of thinking, adequate to a world that would combine incongruous; education; understanding of planetary ethics of co-existence and the like. These circumstances cause the necessity of reorientation of the educational process from the world of science into the wide world of culture and formation in an academic environment «human culture» instead of «knowledgeable person». It is noted that the fundamental idea in the reasoning of the researchers is the understanding of education as a space of freedom in which the subjects of study have the opportunity of free expression and free choice that they are interested in. Their conceptual ideas and approaches aimed at overcoming overbearing, repressive encroachments of society.*

The value of educational interactions is determined by a free, educated, creative person who is able to maintain its individuality and uniqueness, is ready to cooperate in an open multicultural educational space. Man appears not as a given but as a process in which the creation of it itself through the discovery and activation of its potential. Such a person treats the world as the field of cognitive and practical uncertainty that must be cultivated. In the study it is not considered as a means of implementing specific educational projects as a tool of manipulation, and as a goal, as an active subject who is able to create understanding of the world around him, and at the same time defend their own unique identity.

Keywords: *reform, education, innovation, personality, freedom, creativity.*

УДК 165.43

Павленко И. В.

кандидат философских наук, доцент кафедры философии
Днепропетровского национального университета имени Олеся Гончара
(Днепр, Украина), E-mail: abissum0@gmail.com

ИСТИНА В ЯЗЫКЕ И ЯЗЫКИ ИСТИНЫ

Аннотация. *Рассматривается понятие истины в отношении к языку и языковым контекстам. Истина представляется не только как свойство мыслей, высказываний или самих вещей, но и как смысловой объект, который сам имеет некоторые свойства. Ана-*

лизируется представление об истине как семантической структуре в связи с особенностями его использования в классической философии, предлагается программа исследования понятия истины в древнегреческом языке.

Ключевые слова: истина, контекст, язык, релятивизм, универсализм, семантические поля.

Понятие истины в нашем языке обволакивает семантический туман. Лишь иногда, на короткое время, кажется, что все прояснилось, и мы четко видим, что истинно, а что нет, именно как в тумане приближаемся мы к некоей вещи и различаем ее контуры, да и просто понимаем, что это такое. Но стоит двинуться дальше, как все снова покрывается пеленой неразличимости, становится смутным, неясным, неопределенным.

Актуальность вопроса определяется тем, что истина – один из важнейших терминов философии, но также – одна из ее главных проблем. При этом скорее следует говорить о трудностях в связи с установлением истины в отношении той или иной реальности и тогда истина представляется как отношение, процесс или процедура.

Обычно мы имеем дело не с истиной как таковой, которую и определить-то не в состоянии, но с *полем истины* и ее контекстами. Вернее сказать, что поле истины как раз и создается многочисленными контекстами истины. Как и в любом подобном случае, лексико-семантическое поле истины имеет ядро, центр и некую окрестность, периферию, фон. Именно этот фон понятия истины мы здесь и попытаемся рассмотреть.

Едва ли мы можем сказать, безотносительно к любому контексту, что истинно, а что нет. Впрочем, вне всякого контекста, мы вообще ничего не могли бы ни сказать, ни помыслить. Разве приходится удивляться, что и об истине чего бы то ни было мы способны судить, лишь ограничивая себя определенными рамками.

Уильям Джеймс говорит о *субъектном* и *объектном* полюсах истины и это несомненно главная оппозиция в рамках нашего понимания истины [2, с. 351]. Допустимо также говорить о формальном полюсе или, скорее, о формальной (логической) стороне каждого из указанных полюсов истины. Можно ли найти некое четвертое отношение?

Гераклит говорит о природе, что она любит скрываться: φύσις κρύπτεσθαι φιλεῖ. (DK, 123) [7, с. 101]. Перефразируя Гераклита, мы с тем же основанием можем сказать это и об истине, ибо истина также любит скрываться, ведь ее ищут, разыскивают, говорят о поиске истины, о том, что она ускользает и т.п. Правда, тот же Гераклит учил, что явное и неявное образуют некое единство, предпочитая, вместе с тем, явное перед неявным [3, с. 191].

Однако это гераклитовское *явное* имело, судя по всему, не только форму чувственной явленности, но и открытость разумному познанию (μάθησις). Таким образом, в DK, 55 этот смысл стремится передать А. В. Лебедев: «Что можно видеть, слышать, узнать, то я предпочитаю» [3, с. 191]. Наконец, в немецком переводе у Дильса стоит: «Alles, was man sehen, hören und lernen kann, das ziehe ich vor» (DK, 55) [7, с. 88].

Так сокрыта истина или открыта? Она есть таинство или доступна всем и каждому, везде и всегда?

Фома Аквинский выделяет три вида истины: *истина в бытии*, *истина в познании*, *истина в обозначении* [1, с. 493]. Но кто действительный судья и мерило всех этих истин? Достоверно здесь можно говорить только о человеке и о двух последних видах истины. Но и здесь возникают трудности с обоснованием. Даже формальная истина определяется с трудом. По сути мы знаем лишь то, что она есть (Тарский). А по поводу истины в самом бытии можно предаваться каким угодно фантазиям, однако очевидно, что она вовсе не так уж обязательна и признается далеко не всеми людьми.

Тем не менее, здесь возникает один важный и не пустой вопрос: релятивна ли истина *в самой себе* или все истины на свете имеют нечто общее, сходное, объединяющее, независимо от их действительной антропологической релятивности. Или с истиной дело обстоит также, как с игрой или красотой, где мы не можем усмотреть единства или усматриваем его произвольно.

Что есть эта наша интуиция в отношении единства истины? Благое пожелание, необходимая иллюзия, обеспечивающая определенный психологический комфорт или действительное положение дел? Кажется, выбор здесь будет определяться исключительно личной метафизической установкой исследователя.

Наука десакрализует истину, равно как и все, к чему прикасается. Она осуществляет деинтронизацию истины, ее развенчание, декоронацию, но взамен предлагает точный анализ и классификацию истин, приспособление истины для своих, всегда различных и текучих, потребностей. Тем более, что никто не запрещает старых, привычных человеку истин: естественных, бытовых, религиозных.

Общее положение данной работы – *истина может быть рассмотрена не только как свойство мыслей, высказываний или самих вещей, но и как объект, который также имеет некоторые свойства*. Эти свойства истины можно исследовать так же, как мы исследуем свойства и особенности других фундаментальных понятий нашей культуры – веры, любви, красоты и т.п. или так же, как мы исследуем цвет и его свойства (восприятие цвета), независимо от свойств окрашенных поверхностей. Любое размышление о языке, его элементах, происхождении, возможностях, наконец, этимологии, провоцирует философствование, заставляет говорить о сути дела.

Наука развернула настоящую охоту за истиной, без которой трудно представить само существование нашего знания. Если факты – это основа науки, ее плоть и кровь, то истина, несомненно, ее дух, ее главный мотив.

Трудно не обратить внимание на то, что мнения многочисленных классиков по данному вопросу в основных своих пунктах восходят к античной традиции, в которой были представлены все основные интерпретации данного понятия. Можно сказать, что философский и логический гений греков обнаружил все сколько-нибудь антропологически значимые представления об истине и выразил их с помощью своего замечательного языка.

Греки свободно играли возможностями своего языка, используя слова по собственному усмотрению и разумению. Множество слов говорят об истине, как о части греческой ментальной картины мира и краски на этой картине выглядят чрезвычайно размытыми. Современный философ пользуется терминами, которые создают иллюзию понимания и проникновения в самую суть вещей, хотя на деле они даже не оцарапали их поверхность. В наше время любой дилетант выучив двадцать иноязычных терминов считает себя философом и судит обо всем на свете, тогда как древний грек, прежде, чем стать философом, должен был двадцать лет учиться пользоваться *своим* обыденным языком *философски*, причем, в рамках конкретной философской школы.

Представляется возможным рассмотреть все интерпретации истины в древнегреческих текстах (и не только философских) классического периода, исследовать синонимические ряды, концептуально и семантически близкие к данному понятию, сравнить их с текстами эллинистической эпохи, греческим текстом Нового Завета и современными новогреческими эквивалентами.

Общей целью, или собственно философской сверхзадачей всей этой работы является поиск аргументов в пользу умеренно релятивистской концепции истины, основанной на представлении о том, что истина есть обыденное дело человека, связанное с его образом жизни, традицией, его ментальностью, наконец, с многочисленными случайными и привходящими фактами, обстоятельствами и событиями. Само же понимание истины скорее ближе к номинативистской и менталист-

ской позиции, в которой истина представляет собой концепт, вырабатываемый каждым человеком и представляющим собой абстрактное выражение его привычек и убеждений. Наконец, истина есть именно дело человека, процесс, осуществляемый в течении жизни и отражающий его отношение к миру.

В свое время и, вероятно, впервые, эта позиция была высказана Протагором в его знаменитом «Человек есть мера всех вещей...»; ἄνθρωπὸν φησὶ πάντων εἶναι μέτρον (Метафизика, 1053a) [6]. Аристотель совершенно однозначно понимает это как выражение релятивистской позиции, и посвящает ее критике немало места в своем труде.

Истина в своем исходном, антропологическом смысле совершенно не сводима к языковым практикам и контекстам. Верную, то есть, истинную, картину реальности получают и бессловесные твари и сколь бы механическими не казались нам движения насекомых, трудно отрицать, что в основном они действуют отнюдь не бессмысленно, не ложно, но сообразовываясь с тем, что можно обозначить как истину.

Вне всяких сомнений, человек усложняет и предельно нюансирует и специфицирует свое исходное представление об истинном. Язык в свою очередь создает собственные контексты, в которых это представление может проявляться. Эти контексты могут очень далеко отстоять как от реальной жизни человека, так и от обыденных языковых практик и отражать наиболее тонкие душевные движения, едва уловимые ментальные акты, некую тень от тени, воспоминание о воспоминании или сновидение о сновидении. Такова в своей основе лирическая поэзия, которая свободно играет своими эфемерными объектами и, тем не менее, она – понятна, она принимается и вызывает отклик и это дает нам возможность говорить о ее истинности. Эта истина поэзии, при всей возвышенности самой темы, все же вполне может быть передана посредством отношения соответствия, правдоподобия, точности и пр., так как и здесь ничто не мешает рассматривать истину как набор или систему особых технических процедур, разумеется, с поправкой на их специфику. Иначе говоря, мы можем говорить об истине вымысла, фантазии, мифа, то есть, в известном смысле, говорить об истине лжи.

На деле здесь нет никакой уловки или парадокса. Просто необходимо признать, что истина не совпадает с ее конкретным лингвистическим выражением, равно как и с реальностью в ее обыденном или научном понимании. Возможно, все что необходимо для существования истины – это связность, простейшая логическая структура, хотя бы и противоречивое сцепление между собой любых элементов, в которых угадывается хоть какой-либо смысл, хоть что-то узнаваемое.

Хайдеггер рассматривает понятие истины у Платона («миф о пещере»), говоря о греческом слове «алетейя», указывает также на связь истины у греков с λήθη – ускользать, быть скрытым, неизвестным; и λανθάνω – миную, ускользаю, остаюсь незаметным, неизвестным.

Для Хайдеггера совершенно ясно, что современный исследователь может приблизиться к пониманию сущности ἀλήθεια, к тому, как ее мыслили древние греки, только посредством этимологического анализа, попытки помыслить λήθη [5, с. 34]. Ведь греческое «эпюмон» (τό ἔπυμον) – это тоже истина, истина любого слова, его исходное, действительное значение.

Хайдеггер использует слово «несокрываемость» (Unverborgenheit), хотя вполне подошло бы и «незабвенный» (unvergeßlich). Сам Хайдеггер употребляет и другое слово – «раскрытие» (Entbergung), как более точно отражающее существо греческого ἀλήθεια, отмечая при этом, что любые попытки дать точный или «буквальный» перевод подобных понятий (истина, бытие, видимость и пр.) не сводятся только к филологической работе [5, с. 35]. В конечном счете, любой, притязавший на точность перевод философского термина, вольно или невольно превратится в перифразу, в окольную речь, буквально – блуждание «вокруг да около» (περί-).

Да и сама истина не восходит ли к ἀλόοιαι – блуждать, странствовать – превосходный намек на текучую, подвижную природу истины, ее неуловимость и даже меоничность.

Поэтому скорее следует говорить не об истине как таковой, но о контекстах истины, или даже *о самой истине как контексте*, в котором проживает себя человек. Сам естественный язык является здесь незыблемым первоисточником, меганарративом, оболочкой, семантическим полем, исходным для любого возможного рассмотрения истины.

Стремясь перевести не только слово ἀλήθεια, но и саму истину, какой она была для древнего грека, мы вынуждены двигаться окольными путями, говорить обиняками, создавая порой туманные, неясные семантические сгустки, уплотнения, надеясь все же, что все мы скажем нечто об истине, коль скоро все мы принадлежим к человеческому роду.

Интуитивно мы чувствуем и понимаем, что истина у греков (или у кого бы то ни было) не может означать нечто принципиально иное, чем у нас, или, скажем, нечто прямо противоположное (например, ложь или иллюзию). Эта наша интуиция имеет не языковую природу, поэтому и рассматривать ее лучше не на уровне языка, а в качестве общепсихологического и антропологического феномена. Но делать это предстоит не *вместо* языка, а *вместе* с языком, который поможет зафиксировать наше представление об истине.

Именно ментальное представление, основанное на всем опыте чувствования, миропереживания и выраженное в языке, лежит в основе наших истинностных оценок и философского представления об истине.

В целом, истина как антропологическая данность обеспечивает единство нашего вида, хотя мы вынуждены бесконечно обращать внимание и делать поправки на многочисленные этнические, исторические да и просто субъективные аспекты данного понятия. Ведь если истина, помимо всего прочего, – факт нашей ментальной жизни, то мы вольно или невольно оказываемся в плену бесчисленных индивидуальных коннотаций, делающих невозможным какое бы то ни было единство.

Платон и его последователи в отношении истины являются универсалистами, т.е. заняты поисками единой, универсальной, абсолютной истины, или самой истинной истины, которая, если не отменяет, то сводит воедино и придает смысл всем нашим частным, относительным, релятивным истинам. В итоге возникает противопоставление истины сказуемой, сообщаемой, истине относительной и соотносительной (*relatio – relative*) истине вечной и невыразимой.

Однако сам язык демонстрирует нам эту относительность, встраивая наше представление об истине в бесчисленные контексты и находя для этого соответствующие формы.

Иными словами, говоря о существовании самой истинной истины – истине эйдосов, Платон пользуется теми разнообразными семантическими и логическими возможностями, которые предоставляет наше мышление и повседневный язык. Речь идет не просто об использовании различных обозначений истины в разных контекстах, что могло бы привести к мысли о различном выражении *одной и той же* истины. Различие выражений здесь прямо и непосредственно указывает на несходство самих истин и совершенно ноуменальный характер пресловутой абсолютной истины. Эта ситуация сродни многим в нашей языковой и ментальной практике, например, не одно и то же – вера в Бога и вера в искренность говорящего, или знание того, что за окном идет дождь и знание теоремы Пифагора.

Можно сказать, что истина в абсолютном смысле – это класс всех возможных истин, который не является членом самого себя. То есть мы не можем говорить об абсолютной истине в том же смысле, в каком говорим обо всех прочих истинах. Класс всех кошек не является кошкой, класс всех истин не есть истина и к нему неприменимы какие бы то ни было критерии истинности. Таким образом, речь

идет о номене, теоретической конструкции, пригодной лишь в качестве неопределенного ориентира и не имеющего аналогов в какой бы то ни было реальности.

И все же мы говорим об истине, надеясь на определенное понимание окружающих, также, как говорим о боли, чувстве голода или красном цвете, хотя каждому ясно, насколько нюансированы и неоднозначны все эти переживания. При любом содержательном (равно и прагматическом) рассмотрении вопроса об истине мы не можем быть последовательными релятивистами и скептиками, хотя бы в силу своих антропологических свойств и, как следствие, ограничений. Говорить о действительной релятивности можно лишь в отношении части наших представлений, связанных с т.н. внутренним миром человека, нашими ментальными состояниями, продуктами фантазии, творческими актами, сновидениями, индивидуальными коннотациями в языке. Здесь действительно может произойти все что угодно, фантазиям и сновидениям безразличны когерентность, ясность и всеобщность истины. Любая нелепость здесь является фактом, могущим повлиять также и на течение событий в «реальном» мире.

Мои семантические коннотации также свободны от какой бы то ни было законсообразности, я не обязан подгонять свои ассоциации или индивидуальные оттенки значения под некий универсальный стандарт или искать для них критерии истинности. Правда, легко заметить, что и здесь я все же вольно или невольно соответствую чему-то интуитивно единому, что позволяет мне поделиться своими фантазиями с другим человеком и надеяться на понимание. Более того, мне *хочется* это сделать, хочется, чтобы кто-то прочитал твои стихи, узнал о твоих мыслях, выслушал рассказ о сновидении, услышал твой голос, просто стоял рядом с тобой, наконец, просто *был*.

Рассмотрение истины в языке должно так или иначе учитывать эти разнонаправленные тенденции (универсализм и релятивизм), приспособляясь к задачам конкретного исследования. Мы можем искать и находить соответствия своим представлениям об истине у древних греков и такие соответствия действительно имеют место. В то же время, любое обобщающее исследование неизбежно уведет нас от действительного содержания данного понятия и его отражении в нашем языке.

Но существует ли язык истины как истины, или истины как истины самой себя, истины как таковой? Что мы имеем в виду, спрашивая так? Язык, лишенный индивидуальных оттенков значений, раз и навсегда твердо устанавливающий истину в каждом конкретном случае? Некий «божественный глагол», навсегда снимающий все человеческие различия, неясности и сомнения? Или язык некоей универсальной логики, способной вместить все возможные нюансы, приватные смыслы, коннотации.

Отдавая должное подобным поискам и решениям, следует сказать, что единственный язык истины, который мы знаем – это наш родной язык, более широко – естественные языки человечества, во всем их многообразии. Наличие у всех людей какого бы то ни было языка – фундаментальный антропологический факт, равно как и наличие у всех людей определенного представления об истине, также обладающего, пусть вариативными, но все же едиными характеристиками.

Именно эти характеристики и составляют основной предмет нашей работы. Для этого мы рассматриваем как именно представлена истина в текстах греческой философии и литературы и какие соответствия могут быть найдены в рамках компаративного анализа.

В греческом, как и в других языках, представление об истинности имеет множество оттенков, прагматических смыслов и семантических форм. В нижеследующем списке все слова, обозначающие различные оттенки истины сгруппированы по тематическим рубрикам и даны в алфавитном порядке. Это означает, что частотный порядок был бы иным.

В отношении текстов Платона, на которые приходится большая часть ссылок в этой работе, да, впрочем, и в отношении Аристотеля тоже, полезно постоянно помнить о словах А. Ф. Лосева: «Везде тут *рождающаяся* терминология, – не система и осознанные методы, а лишь рождение философской терминологии и, след., самой философии из интуитивных глубин языковой стихии» [4, с. 286].

Давно обращает на себя внимание также и то обстоятельство, что целый ряд слов, обозначающих истину (*ἀδολος, ἀκίβδηλος, ἄκρῆτος, ἀλήθεια, ἀψεύδεια* и др.), имеют характер отрицания.

Не все слова в этом списке прямо и непосредственно обозначают истину, скорее они очерчивают круг представлений об истинности, говорят о применении этих представлений к тем или иным ситуациям. Эти слова – семантическая оболочка для наивно-реалистического, психологического и философского понимания того, что есть истина, или чем бывает истина для человека, или что значит устанавливать истину в том или ином смысле.

Воленски Я. говорит о многочисленных контекстах, в которых обнаруживает себя истина, как о «семействе истины» (*truth-family*) из 14 понятий, называя среди прочих: *atrekes, nemertes, adolos, ortos, apseudos, etymos u etetymos* [8, с. 343]. Наша задача – показать, что это семейство истины в греческом языке гораздо больше и гораздо многообразнее. В связи с этим *truth-family* можно задуматься также о теории «семейных сходств» Витгенштейна как о некоей условной релятивистской методологии для нашего рассмотрения истины.

Разумеется, такая работа может быть проделана и в отношении любого другого языка. Например, точно также можно рассмотреть отношения достоверности, очевидности, определенности, обоснованности, доказанности в русском языке. Описать истинность как отношение веры (в том числе и религиозной), доверия, уверенности. То есть рассмотреть истинность как ряд семантических гнезд, отражающих как различные ситуации внешней данности, наличности, присутствия объектов или состояний вещей, так и психологические установки человека, его мысли, чувства, ментальные состояния, в целом, непосредственное переживание истины.

Таким образом, все известные нам контексты истины могут быть распределены по нескольким основным тематическим рубрикам. Разумеется, различные значения тех или иных слов наслаиваются друг на друга, перекликаются в различных контекстах. Например, *κῆρίως* – властно, справедливо, подлинно, в действительности – может быть отнесено по меньшей мере к четырем позициям. Смысловые пересечения неизбежны, но они не отменяют самих рубрик или хотя бы их возможности. Как всегда, когда мы сталкиваемся с живой стихией языка, любая семантическая классификация становится условностью, значения слов расплываются и тяготеют к бесконечному регрессу, как название песни Белого Рыцаря у Кэрролла. Тем не менее, мы можем назвать основные группы контекстов истины.

Кроме того, далеко не праздным является вопрос о совпадении указанных рубрик в различных языках. Например, есть ли в русском языке контексты истины, которые отсутствуют в греческом? Как представляется, это вопрос не только и не столько перевода, сколько отражения нашей антропологической и экзистенциальной позиции в отношении мира. Очевидно, что в основном эти позиции совпадают, так же как и то, что имеются существенные различия.

Например, простота – *ἀλλῶς* – в нашем мире более не означает подлинности или истинности. Можно уловить лишь слабые отголоски подобного мировоззрения. Математик сочтет приемлемым более простое решение или доказательство, ученый предпочтет наименее громоздкую объяснительную теорию, известное правило Оккама непосредственно к этому обязывает. Так же и в обыденной жизни при прочих равных условиях люди выбирают наиболее короткий, простой, наиболее экономичный путь или способ действия, если конечно сам путь не является

самоцелью.

Однако все сказанное не означает, что истина всегда так проста и уж тем более не утверждает истинности любой простоты. Нам известны примеры истинных сложных решений, равно как и примеры неистинной простоты. Вообще говоря, наш мир невероятно сложен и наши описания мира, в том числе и научные теории, следуют за этой сложностью, стоит ли удивляться, что истинность в нашем понимании более не связывается с простотой.

Все это верно и в отношении целостности – *ὅλος*. Люди впечатляются и очаровываются любой тотальностью и полнотой, независимо от ее действительного содержания и значения, но сегодня это скорее психологическое отношение и мы не склонны применять понятие истинности априори ко всякой целостности.

Основные понятия, так или иначе связанные с истиной, представляют также принципиально важные контексты, в которых обнаруживает себя истина. Это движение смысла осуществляется в двух направлениях от некоего центрального понятия или понятий, обозначающих бытие, существование. Все указанные на схеме понятия составляют общее семантическое поле, точнее, используя метафору Платона, *поля истины*.

За неимением иного, наиболее общего слова, наиболее общей абстракции для всех контекстов истины, мы используем слово *истина*, равно как и греческое *ἡ ἀλήθεια*, поскольку они для этого и предназначены, но все это очень напоминает теорию «семейных сходств» (family resemblances) Витгенштейна, вспомним слово «игра», которое он рассматривает. Так, игра, обычно понимаемое как нечто, противостоящее серьезным занятиям, может быть в то же время очень серьезным делом. Понятие истины еще более амбивалентно, поскольку функционирует в двух диаметрально противоположных смысловых областях. Истина как явность и явленность и истина как нечто внутреннее, глубоко спрятанное, создают замечательную и своеобразную игру, в которой многочисленные дополнительные смыслы наслаиваются друг на друга и создают бесконечную возможность для интерпретации, бесконечную возможность герменевтики, но не позволяют говорить об истине, как о чем-то едином, целостном и однозначном. В духе Витгенштейна, можно говорить об играх истины (как в языковых, так и в невербальных контекстах), а также о семейных сходствах внутри семейства истин. Это, собственно, и означает и объясняет, что у нас нет единого для всех контекстов определения истины. Вместо этого мы можем попытаться обнаружить общие аспекты функционирования истины в различных контекстах, описать свойства истины так, как если бы она была специфическим ментальным феноменом в ряду прочих. А возможно некоторой методологической процедурой или же системой, организацией процедур. Именно такой подход позволяет объяснить двойственность истины в нашем понимании как прямое следствие из дуалистичности нашего понимания самого человека, впрочем, как и мира, языка, культуры и многих других подобных вещей.

Эти крайности (явленность и сокрытость) постепенно уходят от истины в ее обыденном понимании, но уходят по разному. В избыточной явленности истина иссякает, теряет весомость, силу и глубину. В трансцендентном истина скрывается в такой глубине, что попросту теряет своего носителя, теряет свою несокрытость, перестает наличествовать. В крайних точках либо субъект теряет истину, либо истина теряет субъекта. Но смысл этой потери один и тот же: истина ускользает, растворяется, становится делом личного выбора, доверия к нарративу, либо религиозному, либо литературному, к мифу, к поэзии, к некоей условной сверхнормативности. Своего рода сверхпроводимость истины. Истина становится всем или чем угодно. Истина «забывает» о себе, а человек об истине, истина объективно релятивизируется.

Но все эти крайности все же имеют отношение к истине и должны рассматри-

ваться как ее собственные контексты. Именно это мы ощущаем, когда говорим об истине веры или об истине мнения, истине мифа, поэзии и т.п. Эти крайние позиции словно окаймляют контексты истины, создают необходимый антропологический фон существования истины. Наука не может рассматривать истину в ее крайних позициях. В области мнения истина избыточно профанна, здесь наука производит редукцию и обобщение. В области трансцендентного истина сакрализуется («О чем невозможно говорить, о том следует молчать»). Существует истина религии, веры, но есть также истина профанных смыслов и частных мнений, вырастающих в итоге в миф, иносказание, поэзию. Таким образом, как часто и случается, эти крайности сближаются и понять истину (правду) частного лица подчас также трудно, как понять истину трансцендентного. Вполне возможно, что эти крайние поля сходятся именно в бытии.

Но мы и так обладаем бытием. Мы и есть оно само. Остин говорит: «Истина, как и свобода, – недостижимый идеал». Но в ином аспекте и то и другое дается вместе с самим существом человека, просто так, без усилий, но с требованием нести бремя истины и свободы до последнего предела. Свободы «добиваются», истину «ищут», но они нам даны изначально и навсегда.

БІБЛІОГРАФІЧНІ ПОСИЛАННЯ:

1. Вдовина Г. В. Истина как семиотическое понятие в схоластике XVII в. // *Космос и Душа*. Вып. 2. Учения о природе и мышлении в Античности, Средние века и Новое время: [Исследования и переводы] / Под ред. А. В. Серегина. – М.: Прогресс-Традиция, 2010. – С. 492–507.
2. Джеймс У. Прагматистский взгляд на истину и его неверные толкования // Джеймс У. Воля к вере: Пер. с англ. – М.: Республика, 1997. – С. 343–358.
3. Лебедев А. В. Логос Гераклита: Реконструкция мысли и слова (с новым критическим изданием фрагментов). – СПб.: Наука, 2014. – 533 с.
4. Лосев А. Ф. Очерки античного символизма и мифологии. – М.: Мысль, 1993. – 951 с.
5. Хайдеггер М. Парменид / Пер. с нем. А. П. Шурбелева. – СПб.: Владимир Даль, 2009. – 384 с.
6. Aristoteles Graece / Ex recensione Immanuelis Bekkeri; Edidit Academia Regia Borussica. – Berolini: Apud Georgium Reimerum, 1831, – p. 790–1462.
7. Diels H. Die Fragmente der Vorsokratiker. Griechisch und Deutsch. – Berlin, Weidmannsche Buchhandlung, 1952. – B. I. – 504 s.
8. Wolenski J. Aletheia in Greek thought until Aristotle // *Annals of Pure and Applied Logic*, 2004, № 127, p. 339–360.

REFERENCES:

1. Vdovina G. V. Istina kak semioticheskoe ponyatie v skholastike XVII v. [The truth as the semiotic concept of scholasticism in the seventeenth century] // *Kosmos i Dusha*. Vyp. 2. Ucheniya o prirode i myshlenii v Antichnosti, Srednie veka i Novoe vremya: [Issledovaniya i perevody] / Pod red. A. V. Seregina. – M.: Progress-Traditsiya, 2010. – S. 492–507.
2. Dzhejms U. Pragmatistskiy vzglyad na istinu i ego nevernye tolkovaniya [Pragmatic view of truth and its misinterpretation] // Dzhejms U. Volya k vere: Per. s angl. – M.: Respublika, 1997. – S. 343–358.
3. Lebedev A. V. Logos Geraklita: Rekonstruktsiya mysli i slova (s novym kriticheskim izdaniem fragmentov) [Logos of Heraclitus: the Reconstruction of thought and speech (with a new critical edition of the fragments)]. – SPb.: Nauka, 2014. – 533 s.
4. Losev A. F. Ocherki antichnogo simvolizma i mifologii [Essays on ancient symbolism and mythology]. – M.: Mysl', 1993. – 951 s.
5. Khaydegger M. Parmenid [Parmenides] / Per. s nem. A. P. Shurbeleva. – SPb.: Vladimir Dal', 2009. – 384 s.
6. Aristoteles Graece / Ex recensione Immanuelis Bekkeri; Edidit Academia Regia Borussica. – Berolini: Apud Georgium Reimerum, 1831, – p. 790–1462.
7. Diels H. Die Fragmente der Vorsokratiker. Griechisch und Deutsch. – Berlin, Weidmannsche Buchhandlung, 1952. – B. I. – 504 s.
8. Wolenski J. Aletheia in Greek thought until Aristotle // *Annals of Pure and Applied Logic*, 2004, № 127, p. 339–360.

Павленко І. В., кандидат філософських наук, доцент кафедри філософії Дніпровського національного університету імені Олеся Гончара (Дніпро, Україна), E-mail: abissum0@gmail.com

Истина у мові і мови істини.

Анотація. Розглядається поняття істини у відношенні до мови і мовним контекстам. Істина виступає не тільки як властивість думок, висловлювань або самих речей, але і як смисловий об'єкт, який сам має певні характеристики. Аналізується уявлення про істину як семантичну структуру у зв'язку з особливостями її використання в класичній філософії, пропонується програма дослідження поняття істини в давньогрецькій мові.

Ключові слова: істина, контекст, мова, релятивізм, універсалізм, семантичні поля.

Pavlenko I., PhD in philosophical sciences, associate professor of the Department of philosophy, Oles Gonchar Dnipro national University (Dnipro, Ukraine), E-mail: abissum0@gmail.com

Truth in language and languages of truth.

Abstract. The concept of true of the attitude to tongue and language contexts is considered. The true is represented not only as property of thoughts, expressions or things but also as the semantic object, which itself has some properties. Representation about true as to semantic frame in connection with singularities of its use in classical philosophy is analyzed, the program of examination of concept of true in Ancient Greek tongue is offered.

A variety of interpretations of the validity in the antique literature, transformation of concepts of the validity and reliability in the subsequent tradition is considered, up to modern epistemological researches in the field. The author defends the moderate-relativistic approach concerning true for what enters concepts of contexts and effects of truth, shows that the individual position concerning truth which coincides with a position of other subject more or less casual or attendant in the image always is inherent in the learning subject. The author comes to a conclusion that the relation to truth – the private affair of each person reflecting its representations about the world and degree of its private responsibility.

The truth is not only epistemological procedure, but also semiotics object which possesses own specific descriptions. Relativity of truth is examined as valid epistemological fact which requires not refutation, but explanation and understanding within the framework of general semantic theory of truth. Truth functions within the framework of ordinary language as a system of contexts, which it is necessary to expose in the process of semantic interpretation. The contexts of truth are the key elements of the structure of cognitive process. This process is related to the use of different symbolic forms major from which is a human language a cognizing subject. Thus, truth of inseparable from a language and symbolic forms, producted a language. At the same time the concept of truth creates in a language the own system of contexts which function relatively regardless of all other linguistic forms. In every utterance there is the autonomous enough semantic fine-tuning which relates to truth or correlates this utterance with concept of truth. Different aspects and properties of linguistic structures intersect in him: morphological, etymologic, pragmatic. Thus, truth is the special anthropological phenomenon which is revealed in the structure of human language. Also truth is the special element of ordinary consciousness, specific mental process, that puts a question about objectivity and generality of truth. This question of inseparable from a question about the relativity of truth which is expressed in its contexts.

Keywords: truth, context, language, relativity, universalism, semantic field.